

КТО КОГО ПЕР ЕЖИВЁТ ?

Монастырский

18+

Михаил Монастырский

Кто кого переживёт?

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50296523

SelfPub; 2020

Аннотация

Начало «отбора», применяемого сознательно, оставляет лучшие формы? Высокая приспособленность увеличивает число особей, в то время как количество особей с неблагоприятными признаками уменьшается...

Свесив ноги с Тауэрского моста, я сижу, думая лишь о том, что у меня не хватает смелости оттолкнуться от него руками и прыгнуть вниз, покончив со всем этим безумием раз и навсегда.

Я давно слышал, что на севере происходят ужасно невероятные вещи, что там осталось в живых очень мало людей, и что при встрече друг с другом с их глаз текут слёзы радости.

Теперь что-то подобное происходит у нас. Прошло всего лишь тридцать лет сначала двадцать первого века, но во всём и везде неожиданно для населения всей планеты произошёл крах. Без ядерной войны нас уничтожают самым простым способом. Насилие друг над другом работает безупречно. О, где же ты, великий Чарльз, со своим естественным отбором? Как ты был прав! Тебя тут так не хватает, чтобы лично поучаствовать в этой резне. Нас незаметно подвели к самоуничтожению – это оказалось универсальным методом, год назад объединённого мирового правительства, для скорейшего сокращения численности населения всей планеты до минимума.

Все знали, что мечта господствующих избавиться от «лишних» жила в их умах давно, но именно нам довелось стать свидетелями этого ужаса. На всех земных благ стало недостаточно и пришла пора действовать.

Они спрятались в свои засекреченные комфортабельные норы и из своих кресел наблюдают онлайн-телесериал за

происходящим вокруг, отключив нас как электроприборы от сети. Наши мобильники, компьютеры, всё, во что мы были насквозь прошиты за несколько десятков лет, без предупреждения отключены полгода назад в одну секунду. Они просто нажали на соответствующую кнопку!

На улицах можно увидеть кучи разбитых телефонов, электронных часов, планшетов, ради покупки которых мы готовы были отдать все свои деньги и время. Теперь они бесполезны, как всякий мусор. А совсем недавно мы только и плялились в их экраны, как зомбированные психопаты, подсаженные на гаджеты и приложения, упрощающие и разнообразящие нашу повседневность.

Ликвидированы все магазины, аптеки, больницы и любые социально обеспечивающие граждан учреждения. Их просто больше нет! Город закрыт от населения изнутри каждой дверью. Даже собственные дома с нашими вещами заблокированы от нас, выброшенных на улицы. Они всех нас обнулили. В раз! Всех, включая наивно надеющихся когда-либо попасть в когорту элиты и всю жизнь стремящихся к этому. Тех, кто пытается взломать "городское имущество" и проникнуть в здания, немедленно арестовывает полиция и увозит навсегда. По крайней мере никто не видел их возвращения.

Попытки бунтов и демонстраций пресечены беспощадно так, что не осталось ни одного человека, даже помышляющего об этом. Законом прописано, что участник любых массовых мероприятий, а также все члены его семьи и родствен-

ники будут привлечены к смертной казни.

Нет телевидения, нет радио, кинотеатров, нет никакой информации о том, что происходит. Информационный вакуум – жесточайшее средство для травли людей. Церкви стоят без крестов, люди живут без веры. Мы загнаны в ловушку, мы лишены всего из чего состояла наша жизнь. Для нас нет ничего – нет дома, нет работы, нет денег, нет еды, нет сил, нет надежды и нет здоровья.

Население разделилось на две части: одни умирают от голода, истощения и болезней или доходят до самоубийства, а другие едят их трупы. Это невероятно, но людям нечего есть. Вокруг обглоданы все кустарники и деревья. Я не помню, когда видел на улицах собак или кошек. Каково же было удивление "любимых питомцев", когда их душили ранее добрые и нежные человеческие руки. Единственное спасение – это река, которая веками течёт через наш город. В ней не осталось никакой живности, но мы выживаем только благодаря ей. Думаю, скоро они её отравят, чтобы полностью лишить нас воды.

Блокада – изоляция города с целью прекращения его связей с внешним миром. Только врагами является его собственное население. Это абсурд. Всё перевернулось верх дном. Все дороги в города перекрыты. Покидать их запрещено законом, специально заранее изданным, якобы из-за введённого карантина на территориях вокруг городов. А с остатками человечества, проживающего в сельской местно-

сти, по слухам, поступили проще – населённые пункты сожжены, как источник инфекции. Тяжело себе это представить, но так говорят. Что стало с их жителями никому не известно.

В городе, кроме обречённых граждан, можно встретить только роботов-полицейских, постоянно прочёсывающих улицы городов и, бригады «чистильщиков», собирающих объедки, разлагающихся трупов. Крематорий не закрывается на выходной, крематорий работает ежедневно и круглосуточно.

Мои мысли прервал знакомый звук, приближающихся тяжёлых металлических шагов. Со спины подошли два полицейских и остановились рядом со мной.

– Помочь? – кто-то из них спросил, пнув меня ногой в поясницу.

– Помоги себе сам, – не оборачиваясь, ответил я.

– Мразь! – ответил блюститель порядка.

– Я сижу тут один и никого не трогаю. По закону ты должен пройти мимо меня.

– Всё равно, скоро сдохнешь! – он плюнул мне на спину и шею машинным маслом. Я не ответил. Они оба пошли дальше.

В этот момент на несколько секунд выглянуло Солнце и снова зашло за тучи, будто оно не хотело видеть того, что увижу я. И, действительно, в этот момент я разглядел, как внизу по реке плывёт и уносится вдаль тело мёртвого ребёнка.

ка. Мы обречены, у нас нет будущего. Я поднялся и пошёл прочь.

Не пройдя и пары минут я увидел, как в куче ржавеющих, разбитых и брошенных навечно автомобилей, насмерть забили двух парней, содрав с их размозжённых трупов окровавленную одежду. Если ты не прибился к какой-то группировке падальщиков, то жди нападения на тебя в любую минуту. Я тоже жду своего часа, но надо думать, что делать дальше? Видимо, остаётся одно – нужно скорее выбираться из города. Других вариантов нет. Может быть, там не всё так плохо, как говорят, да и хуже, чем здесь невозможно себе представить. Я вырос в этом городе и мне известно лучшее место, где возможно вырваться из этого ада.

Через три часа, подойдя к колючей проволоке, установленной вокруг города от самой земли на высоту не менее трёх метров, я впал в ступор. На ней были прикреплены предупреждающие таблички о том, что ограда находится под высоким напряжением электрического тока и смертельно опасна. Мне не справиться с ней никаким образом и не вырваться из кольца. Это непреодолимый тупик.

Не успел я это подумать, как за спиной, услышал знакомый звук тяжёлых металлических шагов. Обернувшись, я увидел в нескольких метрах перед собой пятерых полицейских. Они окружили меня и медленно сужали, образовавшийся полукруг, направив на меня дула автоматов, прижимая меня к электрическому забору. Я уже спиной чувство-

вал, как через пару мгновений электрический ток сожжёт меня в миг, словно газетную страницу, не содержащую о моей нелепой гибели ни слова. Не потому, что я неизвестный человек, а потому, что газеты и подобная пресса не выходила уже целую вечность. Как это возможно? Я вспомнил, как ежедневно покупал на улице Флит Стрит свежий номер «Таймс» или «Дейли Телеграф».

– Надо же было в последнюю минуту представить такую чушь? – обратился я к молчаливым автоматчикам.

Вдруг они, как по команде, замерли и переглянулись между собой. Явно они обсуждали что-то по установленной в каждом из них внутренней переговорной системе или слушали чьи-то указания. Один из них опустил оружие и заговорил со мной.

– Вы вчера были замечены на мосту при попытке самоубийства. На предложение представителей власти оказать Вам помощь Вы в грубой форме ответили им, нарушив семьдесят пятую статью Закона "О безопасности государства и полномочиях лиц, её обеспечивающих". Вы не отрицаете эти сведения?

Он замолчал, а четыре его копии хладнокровно продолжали целиться в меня.

– Согласен только с первой частью услышанного, – ответил я, понимая, что это и есть моё время "Ч". – Одна из картин Сальвадора называлась "Сон, вызванный полётом пчелы вокруг граната, за секунду до пробуждения". Вы её видели?

Судя по затянувшемуся молчанию, задавшего мне вопрос, видимо, старшего их группы, стало ясно, что мой ответ сейчас обрабатывался где-то далеко от сюда. Вот-вот, и сейчас эти безмозглые уроды разрешат меня в клочья.

Я, впервые за последнее время, расправил плечи и полной грудью набрал в лёгкие воздух насколько это было возможно. Он показался мне необычайно свежим перед тем, как моя жизнь прервётся по команде, уже летящей обратно в головы этих двухметровых железяк радиоволны.

"Старший" молча оглядел своих верных псов. Явно это свидетельствовало, что указания прибыли.

– Вы приговорены к смертной казни при попытке бегства с территории города и неподчинение лицам, охраняющим государство. Приговор будет исполнен на месте Вашего задержания незамедлительно.

– Лицам?! – неожиданно для себя самого от всей души рассмеялся я. – Ха-ха-ха! Повтори, пожалуйста, это ещё раз. Я требую! Это моя последняя просьба перед расстрелом! Ха-ха-ха!

"Старший" был в недоумении от моего смеха, он то поднимал и наставлял дуло автомата на меня, то опускал его, и снова поднимал. Четверо других смотрели на него, ожидая, приказ.

– В таком случае приступим, – он подал знак своей команде и, те одновременно, что-то выключили на своих головошлемах.

После выдержанной многозначительной паузы он подошёл ко мне на расстояние вытянутой руки. Он был выше меня и мне пришлось, подняв голову, смотреть в его электрические глаза.

– Для отчёта мы расстреляем то, что от тебя останется, мразь. Мы никуда не торопясь, очень медленно,отрежем тебе уши, все пальцы на ногах и руках, ступни, кисти, а потом язык и твой член. В конце этой процедуры, ублюдок, я сам лично выдавлю тебе глаза. Я ловлю от этого особый кайф. Теперь смешно?

– Так ты, оказывается, и думать умеешь? – ответил я, чувствуя, как в моих венах закипела ненависть к нему и всему окружающему меня миру.

– Не только. Мы вас всех скоро сотрём из истории, будто вас и не было никогда.

– Даже тех, кто вас создал и вами управляет, тех кто вас разом отключит одной кнопкой, точно также, как нас?

– Не сомневайся, мразь, это всех касается.

– Сомневаюсь, терминатор ты хренов.

– Ну, ладно, дерьмо, посмотрим кто кого переживёт.

– Не думал, что у вас такой богатый словарный запас. У людей научились или вам слово "дерьмо" в программу записали?

– Хорошо, начнём, – протяжно произнёс мой металлический каратель и обернулся к своим, наблюдавшим за нами, четырём копиям.

Это была моя последняя возможность изменить услышанный по пунктам сценарий и, я решил воспользоваться этим мигом. Я обхватил своего убийцу обеими руками за пояс и со всей дури дёрнул вверх, сумев его оторвать всего лишь на несколько сантиметров от земли, которых хватило, чтобы совершить бросок железного карателя на электрический забор. Я не предполагал, что это махина окажется слишком тяжёлой, но своим рывком мне удалось завалить его на себя и совершенно осознанно сделать единственно возможным шагом назад. Я чувствовал, как сильнейший разряд тока проскочил сквозь меня и ударил в работа. Он вцепился металлическими пальцами над моей головой за колючую проволоку. Искры и молнии сверкали в моих глазах, словно, бенгальские огни. Прогоревшие колючие струны напряглись и оборвались, не выдержав нашу массу. Я рухнул на землю спиной, через образовавшуюся в ограде дыру, придавленный сто килограммовым железным трупом. Его глаза искрились, вспыхивали и в конце концов погасли, как лампочки, испуская едкий дым сгоревшей проводки. Мгновение и я с криком свалил его с себя в сторону. Не мешкая ни секунды я вскочил на ноги и кинулся змейкой бежать от свистящих рядом со мной пуль, опомнившихся четырех убийц.

Только пробежав около километра сквозь кустарники и узкую рощу я упал на колени, чтобы перевести дух. Погони за мной нет. Значит, не всё ещё кончено. Для меня было необъяснимым чудом, то что я остался жив и как мне уда-

лось сбежать от смерти. Размышлять об этом некогда, нужно скорее удаляться подальше от города. Я встал в полный рост и почувствовал, что моя спина горит от ожога, а куртка на спине, расплавленная током, пропускала обжигающий раны воздух. Быстрым шагом я пошёл дальше, стараясь идти не под открытым небом, а под ветками деревьев, предвидя объявленную за мной охоту. И точно, неподалёку над головой раздался тихий звук пропеллеров небольшого беспилотного летательного дрона. Я не успел даже увидеть его, как почувствовал боль от ужалившего точного выстрела в шею.

Очнувшись на железном кресле в ярко освещённой пустой камере, я разглядел перед собой, стоящий на полу металлический таз, на дне которого лежали куски окровавленного мяса. Невыносимая боль во всех частях тела разрывала меня на части. Я с трудом осмотрел себя и понял, что это были мои собственные пальцы, уши, кисти и всё, что мне перечислил, сожжённый мной электрическим током двухметровый робот. Кровавые ручьи медленно текли из меня, образуя на полу тёмно-красную лужу. Я задыхался от зловонного запаха собственной смерти. Я терял сознание, думая, что, оказывается, не все из них ловили «особый кайф» от выдавливания человеческих глаз. А вопрос кто кого переживёт остаётся открытым.

